

зен Т. Указ. соч. Т. 3. С. 389 и сл.; *Нетушил И. В.* Указ. соч. С. 190; *Ростовцев М. И.* Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 75; *Утченко С. Л.* Древний Рим. С. 178; *Taylor L. R.* Party politics in the Age of Caesar. Berkeley: University of California Press, 1949. P. 175.

²⁵ Николай Дамасский отмечает, что толпа взирала на Цезаря с восхищением, что было тягостно для «влиятельных людей» (Nic. Dam. 19. 64). Эпизод с возложением диадемы во время Луперкалий в изложении Николая Дамасского существенно отличается от других источников. По его словам, отклонение Цезарем диадемы вызвало аплодисменты лишь «стоявших с краю», а остальные требовали принять ее (21. 72. Ср.: 20.70).

²⁶ *Смирин В. М.* Указ. соч. С. 125.

²⁷ *Грималь П.* Указ. соч. С. 411. Римляне вообще придавали огромное значение древним фамильным преданиям. Так, во время Африканской кампании Цезарь, узнав об оракуле, гласящем, что роду Сципионов всегда суждено побеждать в Африке, формально возложил

главнокомандование на некоего Сципиона Саллютиона, ничтожного и бездарного человека (Plut. Caes. 52; Suet. Iul. 59; Dio Cass. XLII. 58). См. также: *Gelzer M.* Der Politiker und Staatsmann. Wiesbaden, 1983. S. 245.

²⁸ *Grater F. D.* Über Caesars Ermordung und Ciceros Aussicht derselben. Zürich, 1920. S. 13.

²⁹ *Horsfall N.* The Ides of March. Some new problems // Greece & Rome. 1974. Vol. 21. P. 191.

³⁰ *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 314.

³¹ *Bengtson H.* Zur Geschichte des Marcus Brutus München. 1970. S. 18. Ср.: *Утченко С. Л.* Юлий Цезарь. С. 324–326.

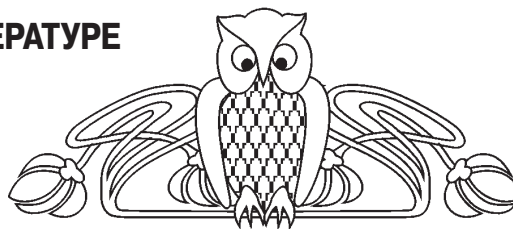
³² *Yavetz Z.* Op. cit. P. 194–195. Ср.: *Феррепо Г.* Указ. соч. Т. 2. С. 315; *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990. С. 30. Как подчеркнул В. Г. Борухович, «вожди заговора плохо представляли последствия своего террористического акта» (см.: *Борухович В. Г.* После мартовских ид 44 г. до н. э. (ист. очерк) // АМА. Саратов, 1983. Вып. 5. С. 124 и сл.).

УДК 94(44).015+94(44).017+ 94(44).021

ОБРАЗЫ ВЛАСТИ В КАРОЛИНГСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ КОНЦА IX–X ВЕКОВ

И. Д. Гайворонский

Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: igorgaiv91@gmail.com

Автор статьи анализирует содержание и истоки представлений об идеальном правителе в период распада каролингского мира на отдельные королевства в конце IX–X веков. На материале повествовательных источников автор рассматривает эволюцию образов власти, доказывая зависимость их происхождения от происшедших в каролингском мире событий и предшествующей письменной традиции.

Ключевые слова: образ власти, Каролинги, анналы, Мегинхард, Карл Толстый, Регинон Прюмский, Рихер Реймский.

Images of Power in the Carolingian Literature of the IX–X Centuries

I. D. Guvoronskiy

The article offers the analysis of the contents and sources of ideal ruler's images during the disintegration of the Carolingian world into distinct kingdoms at the end of the IX–X centuries. Based on the material of the narrative sources, the author considers the evolution of images of power, proving the dependence of their origin on the events occurring in the Carolingian world and of the previous written tradition.

Key words: image of power, Carolingians, annals, Meginhardus, Charles the Gross, Reginon of Prum, Richer of Reims.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-170-176

Эпоха Каролингов – это не только период складывания системы власти, ставшей фундаментом средневековой модели отношений между государем и подданными, но и время конструирования франкскими авторами образов власти. На стра-

ницах различных повествовательных источников каролингские писатели создавали либо портреты современных им монархов, либо абстрактные образы идеальных правителей. Однако в обоих случаях авторы источников отражали актуальные в их время представления о власти.

Примерно до второй половины XX века историки не рассматривали образы власти каролингской эпохи, предпочитая изучение политических и правовых институтов монархии Каролингов (XIX – начало XX в.)¹, проблемы взаимоотношения короля и знати, а также ритуально-коронационные аспекты (первая половина – середина XX в.)². Первые попытки рассмотрения идей власти в каролингский период были предприняты В. Бергесом и Х. Х. Антоном, однако данные специалисты предпочли сконцентрироваться на изучении источников одного жанра – княжеских зеркал (Fuhrstenspiegel), не затрагивая других нарративных документов³. Современный подход к проблеме репрезентации власти в Каролингскую эпоху учел достижения социальной антропологии и новой социальной истории: Д. Козиоль и И. Гарипжанов предложили рассматривать не создаваемый раннесредневековой литературой образ власти как таковой, а описанные в них конкретные ритуалы власти, а также семиотический материал, «символический язык власти»⁴. И. Гарипжанов оказался наиболее радикален в этом вопросе, высказав мысль о «вторичности» повествовательных памятников по отношению к юридическим, актовым и нумизма-

тическим источникам⁵. Тем не менее нынешними исследователями каролингской литературы высказываются обоснованные идеи относительно влияния древней письменной традиции и политического контекста на образы действительности и власти в каролингской литературе⁶.

Однако в рамках предшествующей традиции изучения каролингских представлений о государе, на наш взгляд, имеется два существенных пробела. Во-первых, историки уделяли неоправданно мало внимания сведениям широкого круга повествовательных источников: анналам, историям, биографиям. Не был в достаточной мере использован материал актовых памятников (письма Алкуина)⁷ и сочинений «смешанных» жанров (трактаты Хинкмара)⁸. Во-вторых, что еще более важно, исследователи, в том числе современные, основное внимание сосредоточивали на периоде правления первых Каролингов (Карла Великого и Людовика Благочестивого), предпочитая рассматривать вторую половину IX столетия и тем более конец IX–X века как время кризиса и отсутствия каких-либо оформленных представлений о монархе⁹.

Последняя треть IX и X век действительно представляют собой эпоху распада ранее скрепленного единством правящего дома каролингского мира на конгломерат отдельных королевств, распада каролингской семьи на отдельные, часто враждующие между собой ветви¹⁰. Однако тот факт, что именно в этот период Каролингская династия претерпевает наиболее острые внутренние и внешние трудности, делает рефлексию каролингских интеллектуалов на положение королевской власти в обществе наиболее интересной.

Проследить, как каролингские авторы реагировали на понижение роли королей в системе их взаимоотношений со знатью и церковью, отвечали на вызовы времени – задача данной статьи. Ее целями является не только рассмотрение трансформаций образов власти в литературе конца IX–X веков, но и анализ влияния двух факторов на эти трансформации: 1) политических, социальных и культурных обстоятельств времени; 2) предшествующей письменной традиции, используемой в своих сочинениях теми или иными авторами.

Нами будут рассмотрены следующие источники: Фульдские (*Annales Fuldeisis*)¹¹ и Вестаинские анналы (*Annales Vedastini*)¹², трактат Хинкмара Реймского «О дворцовом порядке» (*De ordine palatii*)¹³, «Деяния Карла Великого» (*Gesta Karoli Magni*) Ноткера Заики¹⁴, а также «Хроника» Регинона Прюмского (*Reginonis Chronicon*)¹⁵ и «История» Рихера Реймского (*Riheri historiarum libri IV*)¹⁶.

Для того чтобы понять, с чем столкнулись каролингские авторы в интересующий раз период, необходимо кратко охарактеризовать эволюцию образа монарха в конце VIII – первой половине IX века. В этот период, охвативший царствования Карла Великого (768–814 гг.) и Людовика Благочестивого (814–840 гг.), каролингские интеллектуалы, осмысляя деяния своих государей, создают образ

христианского императора, расширяющего Град Божий, защитника церкви и слабых, ответчика за души подданных на грядущем Страшном суде¹⁷. Создание этой модели идеального правителя было вдохновлено расширившей границы Франкской державы военно-христианизаторской эпохей, во главе которой стоял Карл Великий, и набожной жизнью его преемника Людовика. Нужно отметить, что франкские авторы этого периода – прежде всего безымянные анналисты и Алкуин (ок. 735–804 гг.) – восприняли две традиции изображения монарха – средиземноморскую, центральным звеном которой был образ Константина Великого, и библейско-ирландскую, стержнем которой была концепция «Нового Давида»¹⁸. В 840–870-е годы исторический фон каролингской политической теологии существенно меняется: империя распадается на отдельные *regna*, положение короля в отношениях со знатью и духовенством становится более шатким. В этих условиях каролингские писатели пытаются переосмыслить ту практику действий, которая ожидается от франкских королей: авторы источников отходят от идеальных схем, не склонны создавать «королевские зеркала»; автор «Четырех книг истории» Нитхард (конец VIII – 845 гг.) и анналисты Хинкмар Реймский (806–882 гг.) и Мегинхард (ум. в 888 г.) предпочитают использовать античные термины и аналогии с персонажами римской истории¹⁹. Автор «Жизни Карла Великого» Эйнхард построил образ своего патрона как римского императора, подобно цезарям, описанным у Светония²⁰. Подобные сдвиги стали возможны, в том числе благодаря роли античной риторики, которая со времени Кассиодора использовалась средневековыми латинскими авторами в качестве инструмента, конструирующего идеи власти²¹.

На исходе IX столетия образ монарха едва ли мог бы осмысливаться в контексте идеи единой христианской империи: несмотря на краткое воссоединение франкских земель в 876–877 гг. под властью Карла Лысого (843–877 гг.), каролингский мир в конце IX века представлял собой конгломерат крупных королевств и княжеств. События 880–890-х годов способствовали этому: в 884 году в Западно-франкском королевстве не осталось взрослых наследников, из-за чего на берега Луары франкской знатью был призван глава восточной ветви рода Каролингов – Карл III Толстый (881–887 гг.), в результате чего во всех франкских землях снова стал править один государь. Реакция каролингских писателей на эти события могли бы пролить свет на то, как видели интеллектуалы того времени образ королевской власти.

Попытку указать Каролингам идеал правителя, основанный на христианских категориях, предпринял архиепископ Реймса Хинкмар (ок. 806–882 гг.) в составленном в 882 году трактате «О дворцовом порядке»²². В этом Хинкмар выступает продолжателем концепции Ионы Орлеанского о короле, служащем указаниям церкви²³. Как и Иона, архиепископ Реймса принимает в качестве отправной точки

идею Геласия о двух властях – власти епископов и власти короля²⁴. Высшие прелаты, согласно представлениям Хинкмара, выполняют роль «стражей», которые могут исправлять народ²⁵, в то время как король должен «исполнять обязанности правителя по отношению ко всем подданным»²⁶. Однако – и это Хинкмар подчеркивает особенно – прежде чем править народом, король должен «привести в порядок» свой собственный нрав, ибо «благочестием короля возвышается престол»²⁷.

Тема «богобоязненного короля» лейтмотивом проходит через первые 11 глав трактата Хинкмара. Уже в первой главе автор обозначает главную цель всех монархов – служить Господу так, чтобы Он не разгневался на них²⁸. Хинкмар подчеркивает: многие властители нашли свою гибель, не исполняя это предписание Царя царей²⁹. Любовь к справедливости, назначение благочестивых епископов, достойных графов и судей – вот залог правления, угодного Богу, когда король будет вызывать у народа три главных чувства – страх, покорность и любовь³⁰. И в этом смысле Хинкмар совершенно неоригинален: он лишь возрождает, оттачивает и доводит до совершенства в своем сочинении то, что уже было сформулировано предшествующими авторами (Ионой Орлеанским и Седулием Скоттом). Живучесть традиции зеркал, несмотря на ее явное замирание примерно между 860 и 880 годами, легко объяснима: тяжелое положение Каролингского дома и франкских королевств в этот период как нельзя лучше создавало почву для поиска интеллектуалами ответа на вопрос, какой образ действий должны избирать франкские монархи, чтобы преодолеть навалившиеся на них трудности.

Еще больший интерес вызывает реакция каролингских писателей на конкретные события конца IX столетия. Одним из ключевых пунктов в политическом развитии того времени являлась династическая комбинация 884–885 годов, когда все франкские королевства отошли под власть представителю восточной ветви рода – императора Карла Толстого. Основными фиксаторами этих событий стали каролингские анналисты. Их трудами велись две основные хроники. Фульдские анналы, с 841 года ведшиеся в Майнце и повествующие о событиях 680–901 годов, включают фрагмент за 864–887 гг., написанные монахом Мегинхардом, хорошо образованным книжником, знакомым с античными трудами³¹. Автор же анналов фламандского монастыря святого Вааста (Ведаста), охвативших 874–900 годы, нам неизвестен³².

Анналы монастыря Сен-Вааст сообщают в записи за 884 год, что уже само малолетство еще здравствовавшего правителя, Карломана, подтолкнуло аристократию королевства к общему собранию для обсуждения данного вопроса³³. Однако внезапная гибель короля на охоте от случайно нанесенной его спутником Бертольдом раны во время схватки с вепрем вынудила магнатов послать графа Теодориха в Италию за императором Карлом «для того, чтобы тот прибыл во Франкию»³⁴. После

прибытия Карла в Понтьон его власти подчиняются «все, кто были в королевстве Карломана», т. е., очевидно, тот самый нобилитет, призвавший Карла³⁵.

Мегинхард же парадоксальным образом не упомянул ни о призвании Карла знатью, ни о его прибытии, ни о присяге нобилей новому правителю³⁶. Лишь яркий рассказ о гибели короля Карломана на охоте³⁷ может подвести читателя к догадке, что в Западной Франкии сменился правитель. Мегинхард сух и лаконичен, и только в неизменном подражании античным текстам узнается его собственный стиль. О неудачах и нерасторопности императора Мегинхард не говорит вовсе: против норманнов, являющихся главными действующими лицами интересующего нас фрагмента, сражается либо граф Хаймрих³⁸, либо весьма абстрактные фризы³⁹. Сам монарх занят сугубо внутренними делами и налаживанием отношений с папством, поэтому вообще не фигурирует как участник войн с данами⁴⁰. Вероятно, Мегинхарда угнетала безынициативность его патрона, поэтому ученый монах решил вовсе опустить все неприятные моменты, о которых, впрочем, не забыл автор Ведастинской хроники.

Эта лапидарность записей не является лишь чертой жанра: достаточно вспомнить, сколь многословен и полемически задорен на страницах анналов был тот же самый Мегинхард в 877 году, когда его патрон Людовик Немецкий и Карл Лысый боролись за императорский титул⁴¹. В 880-е годы мы уже не видим этой, основанной на античной риторике тенденции. Равнодушие анналистов к деятельности франкских монархов, скупость в описании их, даже достаточно значимых, деяний объясняется, на наш взгляд, их разочарованием в объединительной политике Каролингов, потерпевших неудачу в конце 870-х – середине 880-х годов. В частности, 877 год, когда распалась ненадолго объединенная Карлом Лысым империя, мог стать в глазах интеллектуальной элиты неким рубежом, «точкой невозврата», после которой события 884–885 годов уже не воспринимались как объединение франкских земель и тем более восстановление универсальной империи.

Крах объединительной политики Карла Лысого и Карла Толстого означал продолжение распада каролингского мира на ряд самостоятельных владений, усиление власти местных князьков и ослабление королевской власти (прежде всего, на западе франкского мира, где правящий дом еще сохранял формальное верховенство). Из-под власти Каролингской династии ушел Прованс, перешедший к Бозонидам, образовалось Итальянское королевство Гвидонидов. В 911 году в Восточно-франкском королевстве прекратится династия Каролингов, а в 915 году дом потомков Карла Великого потеряет императорскую корону, которую до 924 года захватит Ги Сполетский. Что касается Западно-франкского королевства, то после смерти Карла Лысого оно все более превращалось в совокупность земельных владений, влияние Ка-

ролингской фамилии в которых было минимально. К концу IX века оно состояло из 29 таких ленов, а к 987 году – уже из 55⁴².

На этом фоне франкские писатели по-разному реагировали на судьбу правящей династии. Одним из ответов на хаос эпохи стала книжица Ноткера Санкт-Галленского, прозванного Заикой – «Деяния Карла Великого». В этом сочинении, написанном по заказу Карла Толстого⁴³, великий монарх прошлого под пером Ноткера предстал идеальным христианским королем, государем, неуклонно заботящемся о подданных⁴⁴. Конструируя такой портрет, монах из Санкт-Галлена, переработал большой пласт устных преданий о Карле Великом, создав, таким образом, первый полноценный миф об этом монархе⁴⁵. Ноткеровский Карл, вобрав в себя все возможные добродетели эпохи, соединил в себе два героических типа, присущих трехчленной индоевропейской традиции: героя-воина и монарха-покровителя изобилия⁴⁶. Таким образом, в условиях углублявшегося территориального размежевания каролингского мира у Ноткера возникла потребность в рецепции образа создателя и консолидатора этого мира – Карла Великого, потребность в создании мифа о нем. В форме скрытой ностальгии по временам легендарного уже императора Ноткер отразил противоречия последней трети IX столетия, когда идеал монарха стал связываться с сильной королевской властью, в «Деяниях» персонафицировавшейся в безупречном императоре Карле.

Другой подход к осмыслению реальности и места королей в ней предложил Регинон Прюмский (840–915 гг.). Написав свою «Хронику» в 906 году, этот довольно известный в восточной части франкских земель духовный лидер повествовал о событиях второй половины – конца IX века, как об уже прошедших⁴⁷. И хотя для него, подлинного историка эпохи Средневековья, обработавшего громадный пласт материала, недавнее прошлое сливалось с настоящим, он так же, как Ноткер, смотрел назад, а не вперед. Позиционируя себя, как автора, стремящегося, прежде всего, к сохранению памяти о событиях своего времени, Регинон старался быть беспристрастным рассказчиком. Во многом именно поэтому он четко и скрупулезно зафиксировал сложнейшие и тяжелейшие для франкского мира перипетии 870–890-х годов: возвышение папства во главе с Николаем I, давление Лотаря II на духовенство своего королевства в деле развода с супругой и, тем не менее, его поражение перед авторитетом папы⁴⁸, вторжение норманнов и венгров⁴⁹, могущество советников при дворе западно-франкских королей⁵⁰, благочестие и бессилие Карла Толстого⁵¹, доблесть Эда из рода Робертинов при обороне Парижа⁵² и многое другое. Рельефно описав все это, Регинон открыл перед потомками панораму кризиса Каролингского дома, франкских королевств, всего проекта франкской гегемонии в романо-германской Европе. Понятное дело, что в таких условиях не могло быть и речи о четких

представлениях о власти и уж тем более об идеале монарха. Как и Хинкмар, Регинон понимал, в каком мире он живет – в мире, где власть короля вероятно слаба и не способна уже вершить историю христианства. Лишь одно Регинон знал наверняка: только благочестие, обладание угодными Богу качествами, может помочь королям править достойно, стяжав награду из рук Господа после смерти⁵³.

Таким образом, как и Хинкмар, Ноткер и Регинон, ощущая бедствия своего времени, искали ответы на болезненные вопросы в прошлом, пытаясь предложить монархам тот идеальный образ действий, который уже был проверен временем.

Однако реальность существования Каролингской фамилии в конце IX–X веках выдвигала свои условия: территория Каролингского дома сузилась до небольшого домена вокруг города Лан, а подлинным властителем Западной Франкии будет дом Робертинов во главе с Гуго Капетом⁵⁴. Через несколько лет после того, как феодальные князья отстранят от власти Людовика V (985–987 гг.), монах Рихер из Реймса (940–998 гг.) напишет «4 книги историй», в которых расскажет о событиях X века⁵⁵. Это будет взгляд на прошлое и настоящее, сформированный под влиянием реалий конца X века, когда Каролинги уже сойдут с исторической сцены. Концепция Рихера Реймского будет включать уже совершенно иные представления о власти, нежели в IX веке: согласно им правом управлять королевством обладает уже не обязательно представитель рода Каролингов, подлинных, природных королей, *domines naturales*⁵⁶, а такой правитель, который будет выгоден франкской аристократии и церкви⁵⁷. Почему стали возможны такие представления о власти? Следствием кризиса династии Каролингов в конце IX века стали несколько прецедентов избрания на франкский трон представителей других знатных родов. Избрав в 888 году в Западной Франкии Эда Парижского, знать почувствовала, что Каролинги не единственные потенциальные суверены. Ситуацию усугубило неуклюжее правление Карла III Простоватого (898–922 гг.), ознаменовавшееся конфликтом с Робертинами. Следствие этого – престол вновь занимает не Каролинг – Роберт I (922–923 гг.), затем на трон садится откровенно «проходная» фигура – Рауль Бургундский, который, однако сохраняет его за собой вплоть до 936 года. Таким образом, ассамблея 987 года, избравшая королем Гуго Капета, представляет собой неизбежный результат прецедентов 888 и 922–923 годов, когда Каролингам было трижды отказано в троне. Королевский титул, таким образом, становится разменной монетой в играх магнатов, и Каролинги окончательно теряют монополию на него, а вместе с ней и место в идеях власти.

Проследив эволюцию представлений о власти в каролингском мире конца IX–X веков, мы можем подразделить созданные в этот период образы власти и их авторов на две условные группы.

К первой стоит отнести таких авторов и одновременно весьма авторитетных в каролингском мире

духовных лидеров, как Хинкмар, Ноткер и Регинон, которые, признав трудности, постигшие династию, продолжали конструировать идеализированные образы монархов. Причем если Хинкмар и Регинон использовали в качестве ориентира христианское толкование власти и христианские тексты, то Ноткер Заика предпочел построить свой идеальный образ Карла Великого на собранных им устных франкских преданиях, которые, однако, также испытали влияние христианства (либо под пером автора-монаха, либо попав к нему в уже переработанном виде).

Во вторую группу авторов входят анналисты – ведастинский аноним и Мегинхард, а также Рихер Реймский, не оказавшие серьезного влияния на ход дел в королевствах в качестве духовных лидеров. В отличие от авторов первой группы перечисленные писатели не пытались идеализировать Каролингов, косвенно или прямо признавая их слабость в условиях постигших правящий дом трудностей. Анналисты конца IX века, как и гораздо позднее Рихер, лишь фиксируют события жизни королей, при этом используя лексику и приемы, заимствованные из римской античной историографии⁵⁸.

Несмотря на различие в социальном статусе рассмотренных авторов и также традициях изображения власти, на которые они опирались, почвой для создаваемых в IX–X веках образов власти монархов-Каролингов был общий кризис династии и каролингской модели консолидации романо-германского мира. Тем не менее попытки франкских авторов найти место королевской власти в изменяющемся мире привели к большому разнообразию концепций власти, в котором мы убедились, анализируя литературу конца IX–X веков. Именно поэтому при исследовании политической теологии Каролингской эпохи данному периоду стоит уделять большее внимание.

За основу статьи взят текст одноименного доклада, прочитанного на LVII международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Новый век: человек, общество, история глазами молодых» 25–26 апреля 2014 года.

Примечания

- ¹ *Eichhorn K. F.* Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. Bd. 1. Göttingen, 1843; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. 3. Kiel, 1860; *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции / пер. с фр. Захарьиной. Т. 6. Пг., 1916; *Below G.* Der deutsche Staat des Mittelalters. Leipzig, 1914.
- ² *Schramm P. E.* Die Anerkennung Karls des Grossen als Kaiser. Ein Kapitel aus der Geschichte der mittelalterlichen «Staatssymbolik» // Sonderdruck aus Historische Zeitschrift. 1951. H. 172/3. S. 449–515; *Канторович Э. X.* Два тела короля / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. М., 2014. С. 153, 157.
- ³ *Berges W.* Die Fürstenspiegel des hohen und späten Mittelalters. Stuttgart, 1992. S. 3–22; *Anton H. H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters. Darmstadt, 2006.

- ⁴ *Kozioł G.* Review article : the dangers of polemic : is ritual still an interesting topic of historical study? // *EME*. 2002. № 11. P. 367–388; *Haripzanov I. H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (751–877). Leiden; Boston, 2008.
- ⁵ *Ibidem.* P. 13–27.
- ⁶ *Innes M.* Teutons or Trojans? The Carolingians and the Germanic Past // *The Uses of the Past in the Early Middle Ages* / ed. Y. Hen and M. Innes. Cambridge, 2000. P. 227–249; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006; *McKitterick R.* History and memory in the Carolingian World. N. Y., 2004.
- ⁷ *Page R. B.* The Letters of Alcuin. N. Y., 1909; *Bullough D. A.* Alcuin : Achievement and reputation. Leiden, 2004.
- ⁸ *Prou M.* Introduction // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. Paris, 1885. P. XLI; *The Cambridge history of medieval political thought 350 – 1450* / ed. by J. H. Burns. Cambridge, 1988; *Nelson J.* La mort de Charles le Chauve // *Medievales*. 1996. № 31. P. 61–66; *Старостин Д. Н.* Хинкмар Реймский и структура королевства франков в конце IX в. // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2, История*. 2014. № 2. С. 52–58.
- ⁹ *Anton H. H.* Fürstenspiegel des frühen und hohen Mittelalters; *Haripzanov I. H.* The Symbolic Language of Authority in the Carolingian World (751–877). P. 305–318.
- ¹⁰ *Riche P.* Les Carolingiens: Une famille qui fit l'Europe. P. 160–165; *Теис Л.* История Франции : в 2 т. Т. 2 / пер. с фр. Т. А. Чесноковой. М., 1993. С. 28–31; *Nelson J.* The Frankish kingdoms // *New Cambridge Medieval History*. Vol. 2: C. 700–900 / ed. R. McKitterick. P. 120–121; *Schieffer R.* Die Karolinger. S. 139–145; *Costambeys M., Innes M., MacLean S.* The Carolingian world. P. 379–388; *Busch J. W.* Die Herrschaften der Karolinger 714–911. S. 89–92.
- ¹¹ *Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus* / post editionem G. H. Pertzii, recognovit F. Kurze // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover, 1891. S. 1–138.
- ¹² *Annales Xantenses et Annales Vedastini* / Recognovit B. de Simson // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi*. Hannover et Lipsia, 1909. S. 40–82.
- ¹³ *Hincmar.* De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // *Bibliothèque de l'école des hautes études*. P. 2–97.
- ¹⁴ *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series*. Berlin, 1959. S. 1–93.
- ¹⁵ *Reginonis Chronicon* / Recognovit F. Kurze // *MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum*. T. 1. Hannover, 1890. S. 1–153.
- ¹⁶ *Riheri historiarum libri IV* // *MGH. Scriptores (in Folio)*. T. XXXXVIII. Hannover, 2000. S. 35–309.
- ¹⁷ *Гайворонский И. Д.* Рождение образа власти в эпоху Карла Великого // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*.

- Тамбов : Грамота, 2015. № 5, ч. 2. С. 37–40 ; *Гайворонский И. Д.* Образ государя в каролингской анналистике конца VIII века // Научное мнение. 2015. № 5. С. 83–88.
- 18 *Erkens F.* – R. Herrschersakralität im Mittelalter : von den Anfängen bis zum Investiturstreit. Stuttgart, 2006 ; *Anton H. H.* Königsvorstellungen bei Iren und Franken im Vergleich // Das frühmittelalterliche Königtum : ideelle und religiöse Grundlagen / hrsg. F.-R. Erkens. Berlin, 2005. S. 270–330.
- 19 *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования в литературе «каролингского ренессанса» второй половины IX века (далее – *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования...) // Вестн. гуманитарного научного образования. 2013. № 5 (31). С. 48–50.
- 20 *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого в литературе «каролингского возрождения» и ее истоки (далее – *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого...) // Научная перспектива. 2013. № 5 (39). С. 109.
- 21 *Brown P. R. L.* Power and Persuasion in Late Antiquity : Towards a Christian Empire. Madison (Wisconsin), 1992; *Шкаренков П. П.* Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004. С. 14.
- 22 *Prou M.* Introduction // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P. I–XLI; *Kirsch J. P.* Hincmar // The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/07356b.htm> (дата обращения: 05.06.2015).
- 23 *Reviron J.* Les Idées politico-religieuses d'un évêque du IXe siècle : Jonas d'Orléans et son *De Institutione regia* : étude et texte critique. Paris, 1930.
- 24 *Hincmar.* De Ordine Palatii epistola / Texte latin traduit et annoté par M. Prou // Bibliotheque de l'ecole des hautes etudes. P. 12–16.
- 25 Ibid. P. 14.
- 26 Ibid. P. 16.
- 27 Ibid.
- 28 Ibid. P. 3.
- 29 Ibid. P. 4.
- 30 Ibid. P. 2–8, 22–29.
- 31 *Kurze F.* Praefatio // Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / post editionem G. H. Pertzii, recognovit Fridericus Kurtze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum. 1895. S. V–XIII ; *Reuter T.* The Annals of Fulda // Manchester Medieval series. Ninth-Century Histories. V. II. Manchester, 1992. P. 1–14.
- 32 *Simson B.* Praefatio. II. Annales vedastini // Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. 1909. S. VIII–XVI ; *Сидоров А. И.* Вестаинские анналы // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://krotov.info/acts/09/1/historiki2.htm#111> (дата обращения: 26.03.2015).
- 33 Annales Xantenses et Annales Vedastini / Recognovit B. de Simson // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 55.
- 34 Ibidem.
- 35 Ibidem.
- 36 Annales Fuldenses sive annals regni Francorum orientalis ab Einhardo, Ruodolfo, Meginhardo Fuldensis Seligenstadi, Fuldae, Mogontiaci conscripti cum continuationibus Ratisbonensi et Altahensibus / post editionem G. H. Pertzii, recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum separatim editi. S. 101–104.
- 37 Ibidem.
- 38 Ibid. S. 103.
- 39 Ibidem.
- 40 Ibid. S. 103–104.
- 41 Ibid. S. 84–85; *Гайворонский И. Д.* Образ власти и истоки его формирования... С. 49.
- 42 *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции : в 4 т. Т. 2 / пер. с фр. П. Г. Виноградова. М., 2006. С. 163–165.
- 43 Подробнее см.: *Kampers F., Löffler K.* Notker (1911) // The Catholic Encyclopedia. URL: <http://www.newadvent.org/cathen/11125b.htm> (дата обращения: 05.06.2015); *Halphen L.* Le moine de Saint-Gall // RH. 1918. № 128. P. 260–298; *Haefele H. F.* Einleitung / *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. S. VII–XLVI ; *Гаспаров М. Л.* Ноткер Заика // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. М., 2006. С. 417–419 ; *Innes M.* Memory, Orality and Literacy in an Early Medieval Society // Past and Present. 1998. № 158. P. 3–36 ; *Сидоров А. И.* Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 226–228.
- 44 *Notker der Stammler.* Taten Kaiser Karls des Grossen / hrsg. von H. F. Haefele // MGH. Scriptores rerum Germanicarum, Nova series. S. 1–93.
- 45 *Гайворонский И. Д.* Эволюция образа Карла Великого... С. 109.
- 46 *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев / пер. с фр. Т. Цивьян. М., 1986. С. 140.
- 47 Подробнее о Рeginone и его «Хронике» см.: *Kurze F.* Praefatio // Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. S. V–XVII ; *Anton H. H.* Regino von Prüm // Biographisch-Bibliographisches Kirchenlexikon. Bd. 7, Herzberg, 1994. S. 1483–1487 ; *Haas J.* Zum Plan einer wikingischen Herrschaft am Mittelrhein und an der Mosel. Ein historischer Kommentar zu Regino, Chronicon ad annum 885 und zu Notker, Gesta Karoli Magni imperatoris II, 13 // Jahrbuch für westdeutsche Landesgeschichte. 2008. № 34. Koblenz, 2010. S. 7–16 ; *MacLean S.* History and politics in late Carolingian and Ottonian Europe : the Chronicle of Regino of Prüm and Adalbert of Magdeburg. Manchester, 2009.
- 48 Речь идет о стремление Лотаря развестись с женой Теутбергой ради ложа наложницы Вальдрады. Прелаты Лотарингии оказали помощь своему монарху, однако против бракоразводного процесса встал сам папа Николай, который в итоге призвал Лотаря к покаянию, пусть, по мнению Рeginона, и лукавому. См.: Reginonis Chronicon / Recognovit F. Kurze // MGH. Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum. T. 1. S. 84–94.
- 49 Одно из самых вероломных вторжений – экспедиция Годфрида Датского в союзе с Гуго Бастардом, сыном Лотаря II от Вальдрады, отлученным от наследования

- Николаем I; Ibid. S. 124–125; о венграх см.: Ibid. S. 131.
- ⁵⁰ Ibid. S. 126.
- ⁵¹ Ibid. S. 128–129.
- ⁵² Ibid. S. 131.
- ⁵³ Регион представляет Карла Толстого как истинно христианского правителя, крах его власти считает испытанием его положительных качеств, которое он успешно с великим терпением преодолевает. Ibid. S. 131.
- ⁵⁴ Подробнее см.: Lot F. *La France des origines a la guerre de cent ans*. Paris, 1941. P. 122–125; Лот Ф. *Последние Каролинги*. СПб., 2001. С. 151–194; Дюби Ж. *История Франции. Средние века. От Гуго Капета до Жанны д'Арк. 987–1460* / пер. с фр. Г. А. Абрамова, В. А. Павлова. М., 2000. С. 38–39; Riche P. *Les Carolingiens : Une famille qui fit l'Europe*. P. 25–390; Теис Л. *История Франции* : в 2 т. Т. 2. Paris, 1983. С. 176–200; Балакин В. Д. *Творцы Священной Римской империи*. М., 2004. С. 149.
- ⁵⁵ Подробнее о Рихере и его сочинении см.: Тарасова А. В. *Рихер Реймский и его «Четыре книги историй»* // Рихер Реймский. История. М., 1997. С. 213–271; Sot M. *Richer de Reims* // *Dictionnaire du Moyen Âge* / Dir. C. Gauvard, A. de Libera, M. Zink. Paris, 2003. P. 1219; Glenn J. *Politics and History in the Tenth Century : The Work and World of Richer of Reims*. Cambridge, 2004; Lake J. *Richer of Saint-Remi*. Washington, 2013.
- ⁵⁶ Сидоров А. И. *Ближний круг франкского короля в первой половине IX века : поведенческие идеалы и культурная практика (по материалам «Хроники» Нитхарда)* // *Средневековая Европа. Проблемы идеологии и политики* : сб. ст. М., 2000. С. 90.
- ⁵⁷ *Riheri historiarum libri IV* // MGH. *Scriptores (in Folio)*. T. XXXXVIII. S. 239.
- ⁵⁸ Гайворонский И. Д. *К вопросу об образах власти в эпоху «каролингского ренессанса»* // *Молодой ученый*. 2013. № 6 (53). С. 608–609.

УДК 94 (44) 023–027

РЕЦЕПЦИЯ РИМСКОГО ПРАВА В ФОРМИРОВАНИИ ПРЕРОГАТИВ КОРОЛЕВСКОГО ПОМИЛОВАНИЯ ВО ФРАНЦИИ (XIII–XV вв.)

С. А. Польская

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь
E-mail: polskaya-sa@yandex.ru

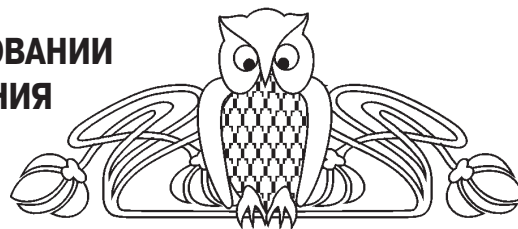
Настоящая статья посвящена проблеме рецепции норм римского права в становления института *le droit de grâce royal* – права королевского помилования как одной из основных потестарных функций французской монархии на протяжении периода, охватывающего правление Людовика IX Святого (1226–1270) до Людовика XI (1461–1483). Кратко рассматриваются основные этапы становления римской системы помилования от царской эпохи до поздней империи. Резюмируется, что христианская (в том числе и августиновская) модель правосудия вступила в определенное противоречие с римской правовой традицией, что усугубилось процессом становления и развития феодального государства.

Ключевые слова: право королевского помилования, грамоты о помиловании, амнистия, аболиция, реституция, индульгенция, обрeпция, субрeпция.

The Reception of the Roman Law in the Formation of the Royal Pardon Prerogatives in France (XIII–XV Centuries)

S. A. Polskaya

This article focuses on the problem of the reception of Roman law rules in the formation of *le droit de grâce royal* Institute – the right of the royal pardon as one of the main potestarian functions of the French monarchy from the reign of Louis IX the Saint (1226–1270) to Louis XI (1461–1483). The main stages of the Roman system of pardon from the tsarist era to the late Empire are briefly characterized. It is presumed that the Christian (including Augustinian) model

of justice entered into a definite contradiction with the Roman legal tradition, exacerbated by the process of becoming and development a feudal state.

Key words: right of the royal pardon, charters of pardon, amnesty, abolition, restitution, pardon, obreption, subreption.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-176-181

В 1723 г. увидел свет трактат советника Парламента г. Меца Николя Менана, посвященный инаугурационному церемониалу французской монархии, – явление, типичное для позднего абсолютизма. Среди прочих описаний автор отмечает: «Все эти церемонии заканчиваются актом милосердия, знаменующим величие и могущество наших королей – это отмена приговора суда и помилования, которые они дают преступникам». И далее пускается в следующий временной экскурс: «... (на посвящении Генриха ... главный духовник Франции, по распоряжению Его Величества, доставил всех тех, кто находился в тюрьмах Реймса, между коими произвел отбор убийц, грабителей, фальшивомонетчиков и прочих, числом 455 человек). [...] Императоры Рима, по данным Светония, также придерживались обычая миловать заключенных ...»¹.

Рефлексия на Светония небезосновательна, в частности, при описании обстоятельств воцарения Нерона и Клавдия: «В той же погоне за народной любовью он (Нерон. – С. II.) помиловал осужденных и сосланных по всем обвинениям, оставшимся от прошлых времен, объявил прощение...»; «Ут-вердившись во власти, он (Клавдий. – С. II.) рань-